

ВЯЧЕСЛАВ МАРТ

ИСПЫТАНИЕ ДЛЯ ЦАРСТВЕННЫХ ОСОБ

книга 1 Остановить неизбежное

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вячеслав Март

**Испытание для царственных
особ. Остановить неизбежное**

«Автор»

2026

Март В. В.

Испытание для царственных особ. Остановить неизбежное /
В. В. Март — «Автор», 2026

Я оказался в доме Ипатьева, в тот самый момент, когда, последнего царя Российской империи, должны расстрелять вместе с семьёй. В их истории готовятся поставить точку. Смогу ли я их спасти, и вместо точки поставить запятую? Пусть это кажется невозможным, опасным и заведомо провальным делом, но я попробую остановить неизбежное.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3.	20
Глава 4	27
Глава 5.	28
Глава 6.	29
Глава 7.	31
Глава 8.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Испытание для царственных особ. Остановить неизбежное

Глава 1.

Вот уже час как закончилась очередная бутылка вина, и наши посиделки опять превратились в дискуссию.

Сидели вчетвером: я с супругой и двое наших взрослых детей. Дети и супруга опять втроём спорили. Но если в других семьях спорят о политике, то в нашей семье спорят об истории и исторических личностях.

Я традиционно не вмешивался. Просто слушал, впитывая информацию. Кроме того, все они очень красноречивы, и слушать их — одно удовольствие. Да, наши дети умеют красиво излагать свои мысли. Это они унаследовали от родителей, плюс воспитание, которым занималась жена.

Спорили о дореволюционной России. Мнения у них были разные, как и склад ума, и образование.

У жены — высшее экономическое образование, по-немецки прагматичный характер, и она очень упряма. То, что ей вложили в голову о Царе и Царской России, прописалось там основательно. Поэтому она имела свой взгляд на царскую семью, совершенно отличающийся от мнения детей.

Наши дети — вольнодумцы, имеющие по два высших образования. У дочери Александры два диплома с отличием. Она дипломированный экономист и маркетолог, в ней уместаются прагматизм и творческий подход к решению различных задач. У сына Марка — техническое образование, он приверженец чётких формулировок, подкреплённых фактами. Он старше дочери на два года.

Эти споры начинались и продолжались уже многие годы. Значит, им троим это нравилось.

В общем, о чём бы они ни спорили, они говорили каждый о своём и редко находили точки соприкосновения. Порой мне казалось, что детям просто хочется высказаться, блеснуть умом и эрудицией и доказать матери, что они имеют право на свою точку зрения обо всём.

Мне же приходилось быть рефери и следить, чтобы спор был интеллигентным. Но если спор не заканчивался и должен был продолжиться, я самостоятельно изучал тему. И порой после такого исследования знал гораздо больше, чем спорщики. У меня хорошая память, которую знающие меня люди называют феноменальной. Да, действительно, в моей голове хранилось всё, что я когда-либо читал, слышал, видел и даже думал.

Сам я в этих спорах старался придерживаться нейтралитета и не участвовать в них. Как и вторые половинки наших детей. Они поняли, что это наше семейное, и поэтому никогда не вмешивались. Вот и сейчас они ушли из беседки в дом, как только завязался спор. Им хотелось бы остаться и наслаждаться летним июльским вечером и приятным застольем, но в такие моменты они предпочитали ретироваться.

Уже несколько лет дети живут отдельно, и мы с женой очень радуемся, когда они приезжают. Но когда мы собираемся вместе, обязательно спорим. Такая у нас семейная забава.

Этот разговор, превратившийся в спор, начали в прошлую нашу встречу. Сначала говорили с семейных достижений, потом о достижениях страны, а потом углубились в историю, решив заговорить о достижениях Российской империи, вспомнив о последнем монархе России — Николае Втором. И вот тут мнения кардинально разошлись.

В тот раз я не дал им закончить, увлѣкши другими разговорами. Точка в их споре не была поставлена. И в эту встречу они неизбежно должны были продолжить свою дискуссию. Вот и понеслось.

Если честно, я не понимал, о чём они спорят.

Дочь, симпатизировала и защищала Александру Фёдоровну и её детей. Называя варварством и социальным фашизмом то, как с ними поступили. И защищала не столько монархию, сколько семью, которая, как ей казалось, не заслуживала такой судьбы.

Сын, доказывал, что индустриальное развитие России было связано с монархией.

Жена же, осуждала и семью Царя, и его окружение, и сам строй.

— Царизм разъедал страну изнутри, — приводила она свой главный аргумент.

Марк стоял на своём.

— А что плохого было в экономической политике монархии, когда ВВП рос как на дрожжах? По темпам развития царская Россия превзошла бы большевицкую Россию раза в два-три неспешным шагом. Страна развивалась быстрее Германии. К 1913 году рост доходов Германии составлял 18%, а рост доходов России — около 30%, — возмущался Марк. — И если бы не радикалы, переход России от монархии к республиканской форме правления был бы естественным. Россия обязательно стала бы сверхдержавой, без гибели миллионов людей, террора и насилия.

«Да, споры отцов и детей, хотя правильной сказать — споры матерей и детей», — думал я. Ну вот как так: члены одной семьи имеют диаметрально противоположные мнения об одних и тех же исторических событиях в России? Как так получилось?

В общем, я в одиночку допивал ещё одну бутылку вина. Им было интересно, а мне — не очень. Вмешиваться я не хотел. Но после последней нашей встречи тема меня заинтересовала. Мне стало интересно самому изучить некоторые вопросы и во всём разобраться.

Так пришлось погрузиться в изучение исторических материалов и осмыслить приличный объём информации, пытаясь составить своё мнение о последнем Российском Царе и его семье. Но озвучивать его я не собирался.

Я сидел и уже их не слушал.

Когда я всё допил, то посмотрел на часы: был первый час ночи. Алкоголь начал туманить сознание. В этот момент они говорили о ночи казни Царской семьи в доме Ипатьева. Марк уже спорил с сестрой, доказывая, что спасти их не было никакой возможности.

Почему-то в голове пронеслись события одной книги о спасении княжны Марии, которую мне посоветовала дочь. Это, конечно, фэнтези, но книжка меня зацепила. Меня вдруг накрыла волна эмоций и сопереживание Царской семье, и я неожиданно для всех заявил:

— Их надо было спасти. Я бы попытался спасти их всех. Я спать.

И пошёл на выход из беседки.

Когда я направлялся в спальню, решил порассуждать: как же можно было спасти царскую семью? Как бы я их спас?

Итак, что мне было известно из того, что произошло тогда? Ведь я читал в интернете материалы следователя Соколова, расследовавшего по поручению Колчака убийство Царской семьи. Помню, что ещё сравнивал их с опубликованными материалами Радзинского об этом убийстве.

Итак, что я знал.

Что в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года в доме инженера Ипатьева, где содержали Императорскую семью и тех, кто с ними добровольно отправился (как они думали, в ссылку), их всех расстреляли.

Императора Николая Александровича (на тот момент ему было 50 лет), его жену Александру Фёдоровну (46 лет), их детей: Ольгу (22 года, должно было исполниться 23), Татьяну

(21 год), Марию (19 лет), семнадцатилетнюю Анастасию и Алексея (через месяц ему должно было исполниться 14 лет).

С ними были расстреляны доктор Боткин Евгений Сергеевич (53 года), повар Царской семьи Иван Михайлович Харитонов (48 лет), горничная Анна Демидова (40 лет) и камердинер Алоизий Егорович Трупп (61 год).

А ещё погибли питомцы княжон. У Татьяны была французская бульдожка по кличке Ортипо, у Анастасии — маленькая комнатная собачка Джемми, у Алексея тоже был пёс-спаниель по кличке Джой. Той роковой ночью он бегал где-то на улице. Эти собаки тоже находились в доме Ипатьева вместе с хозяевами.

А ещё этот дом был превращён в крепость. Было два высоких забора: один ограждал непосредственно дом и участок за домом, другой — проезд к нему. Было также три контура охраны: внешний на улице и возле дома, плюс охрана внутри дома.

Что ещё? Внутри находилось несколько пулемётных постов: два на первом этаже, два на втором и один на чердаке. А ещё на церкви, стоявшей рядом с домом, на колокольне, тоже стоял пулемёт, обращённый на дом. Вооружённых людей на первом и втором этаже было много. Дежурили на постах по четыре часа.

В полуподвальном помещении, в нескольких комнатах, стояли койки, где размещались красноармейцы. Остальные охранники находились в соседнем доме — там им устроили что-то вроде казармы.

И что мы имеем? Дом, обнесённый двумя заборами, который охраняется снаружи несколькими контурами вооружённой охраны. Внутри дом напичкан вооружёнными людьми с несколькими пулемётными постами. И таким же количество бойцов, находившимися в казарме рядом с домом.

Получается, что пробраться туда совершенно невозможно.

«Ну, предположим, я каким-то чудом оказался внутри. И что бы делал дальше?» — думал я, раздеваясь.

Попытался бы прикончить расстрельную команду. Юровского, коменданта этого дома, с его помощником Григорием Никулиным, Павла Медведева (который был то ли начальником охраны, то ли разводящим), комиссара Петра Ермакова вместе с отмороженным матросом Вагановым — участником расправ в Кронштадте над морскими офицерами, насильничавшим их жён и дочерей. Вот эту мразь точно стоило бы прикончить.

Чекиста Михаила Медведева (он же Кудрин, Медведев-Кудрин), того, у которого был убийный легендарный пистолет Кольт М1911 и ещё один пистолет Браунинг.

Александра Стрекотина, добровольно пожелавшего принять участие в расстреле Царской семьи. Он был поставлен на пулемёт на нижнем этаже. Пулемёт стоял на окне рядом с проходной комнатой, которая вела в комнату расстрела. В расстреле также приняли участие семь человек этнических латышей (или только часть из них была латышами, кажется, один был мадьяр).

А ещё я помнил: в протоколах допроса следователя Соколова фигурировали охранники, которые дежурили в ту ночь снаружи дома. У окна комнаты, где произошёл расстрел, был пост Никиты Дерябина — он через окно мог всё видеть. Снаружи также был пост Ивана Клещёва возле окна соседней комнаты.

А почему я о них вспомнил? А потому, что их же заставили после расстрела выносить и грузить в грузовик тела.

«Да уж, — подумал я. — Одному со всеми справиться будет сложно. Да и какой из меня вояка? Человек интеллектуального труда. Мне бы помощников».

Точно. Среди охранников были те, кто отказался участвовать в расстреле: Людвиг Берзиен и Алексей Баранов. Привлёк бы их на свою сторону

Я улёгся в постель, выключил свет и продолжил рассуждать.

А если бы удалось объединиться с пятёркой Малиновского? Офицеры в звании капитанов Императорской армии, которые в это время находились в Екатеринбурге в Николаевской академии генерального штаба и вынашивали планы по освобождению Царской семьи. Да, я читал об этих смелых военных. Их было пятеро: Малиновский Дмитрий Аполлонович, барон Деллингсгаузен Николай Александрович, Ярцов Георгий Владимирович, Гершельман Владимир Дмитриевич и Ахвердов Николай Николаевич.

Да, ещё мама Ахвердова, Мария Дмитриевна, тоже помогала своему сыну и его друзьям. Точно помню, помогала.

Всё-таки здорово, что у меня такая хорошая память.

«Да, если бы были помощники, наверное, могло бы получиться. Прикончить всю эту банду убийц и попытаться выбраться».

«А на чём?» — сам себя спросил я.

«Да на машине Люханова. Там ведь в ночь убийства была машина, на которой собирались вывезти трупы. Да, точно, шофёр Люханов был за рулём того грузовика. Я бы придумал, как всех погрузить в машину и дать дёру. Дальше, скорее всего, рванул бы за город. Попробовал бы добраться до деревни Коптяки. В общем, затаились бы там на какое-то время, а потом я опять что-нибудь придумал. Да, я бы постарался их всех спасти. Я бы очень постарался. Возможно, у меня бы всё получилось».

Я зевнул, повернулся на бок и заснул.

Глава 2.

Ночью я проснулся, чтобы посетить санузел.

В этот раз я как будто на автомате дошёл до туалета и не помнил, как в него входил, как оказался напротив унитаза. Но когда потянулся к кнопке смыва, то не обнаружил её.

Какое-то всё странное: бачок наверху, от которого идёт труба к унитазу, и цепочка с ручкой, которую нужно дёрнуть, чтобы смыть. Я похожую систему видел только в очень старых коммуналах.

«Это что же, мне всё снится?»

Я развернулся лицом к двери, чтобы выйти, и в этот момент она открылась. Спина ко мне вошёл мужик, закрывая дверь. Когда он развернулся, мы оказались лицом к лицу.

Комиссар или чекист, почему-то подумал я. Этот образ как-то легко угадывался.

— Ты кто, бля, такой? — встретил меня руганью мужик.

Мои руки как будто сами за меня всё сделали. Удар левой в живот — мужик нагнулся, и правой снизу-вверх в нижнюю челюсть, как когда-то учили в секции бокса. Всё, полный нокаут. Мужик тут же брякнулся на пол, попутно ударившись головой о стену.

Я вдруг осознал, что стою в трусах. Я оглядел мужика, лежащего у меня в ногах. У него на ремне была кобура. Я нагнулся, расстегнул её и достал пистолет. Это был Браунинг. Обшарил кожаную куртку этого комиссара. В кармане нашёл ещё один пистолет. Ну надо же — легендарный Кольт М1911, сорок пятого калибра, убойная вещь.

Обыскал все карманы. В одном нашёл бумагу, развернул, а в ней написано: мандат, выданный Медведеву Ну конечно же, это у него были Кольт и Браунинг. Передо мной валялся на полу Медведев, он же Кудрин.

«Какой интересный и реалистичный сон», — подумал я.

И тут меня вдруг осенило. Как же тогда я во сне читаю? Ведь кажется, это невозможно.

Станный сон: я в трусах, босиком на холодном полу, в незнакомом сортире времён старых коммуналок, вместе с чекистом Медведевым. Приснится же такое.

Меня это сильно напугало, я себя ущипнул. Я всё чувствовал. Это было более чем странно. И представил, как это будет выглядеть, если я в трусах выйду из туалета с пистолетом в руках. Даже если это сон, мне точно не хотелось кому-то показываться в трусах.

Решение пришло как-то само собой: надо раздеть мужика.

Одежда пришлась впору — будто её шили именно для меня. Я торопливо намотал портянки и натянул сапоги, надел куртку, нахлобучил фуражку, затянул ремень. Замер на мгновение, прислушиваясь к звукам за дверью. А потом вдруг ощутил: я уже не тот, кем был минуту назад. Облачившись в форму чекиста — и будто перешагнул в другую жизнь и стал частью происходящего.

Мужик остался сидеть на полу, прислонившись головой к стене, в одном исподнем.

«Другая жизнь» — пронеслось в голове и это напугало меня.

Обидно, если умер так глупо. Я ведь мужчина в расцвете сил. Нет, пусть будет сон. А чего бояться своего сна? Да собственно страха не было. Это моё подсознание неистово хочет мне что-то показать, создавая иллюзию. Скорее всего, это очень реалистичный сон. Но почему-то в голове воспалилась и упорно пульсировала мысль: это не сон, это реальность.

«Может, всё-таки не умер», — лелеял я надежду, что моё подсознание решило сыграть со мной в интерактивную игру.

Я вспоминал, что было перед тем, как отрубиться Спор, царская семья и «Их нужно всех спасти». То есть получается, я сам себе во сне что-то должен доказать? Попробовать спасти их? Это такое задание?

«Взгляни на происходящее по-другому, — подсказывал внутренний голос. — Ты ощущаешь всё как реальное, тогда тебе нужен реальный план».

«Хорошо, — согласился я со своим внутренним голосом. — Пусть это будет реальным или другой реальностью. Тогда вспоминаем».

Я начал формировать в голове план дальнейших действий. Я закрыл глаза и как-то быстро осознал, что буду делать.

Я сейчас в туалете. Это дом Ипатьева. Так, кажется, это общий туалет. Мне нужно пройти несколько шагов — там пост, дальше их комнаты.

Мужик зашевелился. Я перехватил пистолет за ствол и саданул рукояткой по его голове со всего размаха. У мужика закровоточила рана на голове. Почему-то мне не было его жалко.

«А как по-другому? — задал я себе вопрос. — Убил, что ли? Выбираться из туалета как будешь?»

«Есть одна мысль», — ответил я внутреннему голосу, засовывая Кольт обратно в карман.

Я подтянул мужика к унитазу, придал ему позу «человека в обнимку с унитазом» — пусть думают, что ему поплохело. А рана на башке — так напился и приложился обо что-то. Поставил крючок, закрывавший дверь туалета изнутри, в вертикальное положение. Так, чтобы он после того, как закроется дверь, упал в ответную петлю. Тогда дверь снаружи будет не открыт. Этому трюку меня ещё в детстве научили мальчишки на базе отдыха.

«Пригодилось», — усмехнулся я.

Набравшись духу, я тихонечко приоткрыл дверь. В образовавшуюся щель никого не увидел. Вышел, закрыл дверь, дёрнул, убедившись, что крючок упал и запер дверь.

Быстро пошёл, направляясь в комнаты, где находилась царская семья. Посмотрел в сторону комнаты коменданта. За закрытыми дверями слышался разговор на повышенных тонах. Прошёл мимо часового, который, казалось, прислушивался к голосам в комнате коменданта. Он повернулся в мою сторону, но я уже был к нему спиной. Со спины меня можно было принять за Медведева. Да кто ещё, по его мнению, мог выходить из туалета?

Я вошёл в гостиную и направился в столовую. Часовым входить в комнаты было строго запрещено — это я точно знал.

Войдя в столовую, я увидел, как собирается царская семья. Подойдя к комнате, где находились Николай Второй с императрицей и цесаревичем, я рукой махнул царю, чтобы тот подошёл ко мне. Он нехотя начал двигаться в мою сторону.

«Быстрее, — попросил я его шёпотом. — Это очень важно».

Царь немного ускорился.

— Вы знаете, какое сегодня число? — спросил я у царя.

Тот смотрел на меня вопросительно.

— Шестнадцатое, ну скорее семнадцатое, — недоумевающе ответил он.

Я взглянул на часы, висевшие на стене. Они показывали без пятнадцати два.

Я старался говорить, как можно тише:

— Николай Александрович, слушайте внимательно и без эмоций. Сейчас Вас всех поведут в подвал и заведут в комнату, якобы для фотографирования, но это не так - там собираются вас всех убить. Николай Второй сжал кулаки, будто пытаясь удержать самообладание.

Он побледнел, сглотнул и посмотрел на Александру Фёдоровну. Императрица подняла голову, будто что-то услышала. Я повернулся к ней спиной и прижал палец к губам:

— Я помогу, но Вы должны сделать то, что я скажу. Там будет ещё одна дверь — справа. Встаньте слева от неё, вплотную к стене. Женщины пусть держатся за спинами мужчин. Из комнаты за этой дверью мы откроем огонь по вашим палачам.

Он смотрел на меня, растерянно и одновременно с надеждой.

— Просто сделайте так, как я сказал. Это единственный шанс.

— Вы всё поняли?

— Понял — голос его дрогнул.

— Думаю, совсем скоро всё начнётся — пояснил я.

Я собрался уходить, но прикосновение Николая Второго остановило меня.

— Как вас зовут?

Я секунду подумал, как представиться.

— Измиров. Познакомимся позже. С богом.

Я посмотрел на него, он на меня.

Я быстро вышел в коридор и начал спускаться вниз, на первый этаж, к выходу из дома. Встретив часового у двери, остановился, растерявшись. В голове мелькнула фамилия Вершинин. Я откуда-то знал, что спросить нужно именно о нём.

— Вершинина знаешь? — гаркнул я.

Тот вытаращил на меня глаза и начал кивать.

«Хорошо, — думал я. — Откуда же я о нём знаю? Наверное, что-то читал про охранников этого дома».

— Так, быстро его ко мне сюда. Быстро!

Боец побежал. Я знал, что должен поторопиться, чтобы успеть их спасти. В голове как-то быстро формировался план дальнейших действий. Это было странно. Хотя, чего тут странного — я об этом думал перед тем, как очутиться здесь.

«А как я здесь очутился? — подумал я. — И что вообще со мной происходит?»

Странное состояние: у меня не было страха, голова была ясная. Нет, это не сон. Здесь всё как-то иначе. Почему-то в голове крутилась фраза «загрузка новой реальности». Я усмехнулся своим мыслям. Когда очнусь, расскажу жене об этом, позабавлю её.

Так, первое в моём плане — это Вершинин. Он один из охранников, которому я могу доверять.

«Почему я ему могу доверять?» — и сам же ответил на свой вопрос: «Я ведь знаю, что он влюблён в Марию, младшую из дочерей царя, поэтому он поможет».

На мгновение я задумался: «А откуда я это знаю?» — но решил, что подумаю об этом потом.

Итак, Вершинин. Но что, если он примет меня за сумасшедшего, испугается и не поверит? Второе — это Баранов и Берзиен, отказавшиеся участвовать в расстреле. Что сказать им и кого ещё привлечь? Сейчас убийцы должны быть в комнате, соседней с той, где находится пулемётный пост. Они прячутся за дверью и будут ждать, когда мимо них проведут царскую семью. Значит, надо добежать до пулемёта — это пост Стрекотина, это он был в ту ночь на посту. Долбануть ему по башке, развернуть пулемёт и жакнуть в сторону двери. А как увижу Юровского — а он пойдёт первым, — пальнуть по нему из кольта.

«Вот я дурак, стреляю в Юровского и попадаю в кого-нибудь из царской семьи. Да и не станут они приближаться, услышав пулемётную очередь План дурацкий, даже идиотский. И смогу ли я из пулемёта»

Размышления прервали быстро приближающиеся шаги. Ко мне подбежали двое: тот, которого я послал, и молодой парень лет двадцати пяти.

«Надо же», — удивился я, рассматривая светловолосого парня крепкого телосложения с умными глазами.

— Вершинин, за мной! — скомандовал я.

Тот послушно последовал за мной. Мы дошли до комнаты, где должна была состояться казнь царской семьи. Оглядевшись и прислушавшись, я вплотную подошёл к нему.

— Тебя ведь зовут Глеб?

Тот кивнул. Я совершенно точно знал не только его имя, но и что он влюблён в Марию и что он из Коптяков. Мало того, я понимал, что он ключевое звено в моём плане, и знал, о чём должен ему рассказать, чтобы убедить его помочь мне.

— Вот здесь, Глеб, её расстреляют через несколько минут. Вместе со всей семьёй.

Я не сводил с него глаз. Пусть смотрит правде в лицо. Ты сможешь жить дальше, если не попытаешься её спасти? Он дёрнулся, будто я ударил его по лицу.

— Я хочу их спасти. Ты мне поможешь?

Его пальцы сами собой сжались в кулаки, костяшки побелели. Он не хотел верить, но уже не сомневался: это произойдёт. Лицо изменилось — ужас в глазах сменился решимостью.

Он сосредоточенно смотрел мне в глаза — и напряжение в нём росло с каждой секундой.

— Что вы собираетесь делать? — выпалил он.

— Прикончить всю эту расстрельную кодлу, как только она сюда войдёт. Ты со мной?

Глаза у него расширились. Он не боялся - он сомневался:

— Но царь, он же...

— Он её отец, — оборвал его я. Глеб смотрел прямо мне в глаза.

— Да, — выдохнул он. — Я с вами. Ну, как мы это сделаем?

— Как только принесём пулемёт, я расскажу тебе всё остальное. Давай за мной. Только винтовку оставь здесь.

Дойдя быстрым шагом до поста Стрекотина, я поглядел в сторону двери, где уже должны были спрятаться палачи. Подойдя к Стрекотину, я встал напротив него и негромко сказал:

— Стрекотин.

Тот подскочил и вытянулся.

— Товарищ Юровский поручил тебе ответственное задание. Он подойдёт и сам всё объяснит. А сейчас берёте с Вершининым пулемёт — я кивком указал на Глеба — и за мной. Быстро.

Тот стоял, вылупившись на меня, видимо, пытаясь вспомнить, кто я.

— Или я тебя поставлю к стенке и расстреляю вместе с царской семейкой за отказ.

— Я готов! — выпалил Стрекотин.

Вершинин первым потянулся к пулемёту с одной стороны, Стрекотин тут же подхватил его с другой.

— Быстрее! — подгонял я бойцов.

Пропустив их первыми в комнату, я зашёл в неё последним и плотно закрыл двери. Подошёл к опечатанной двери кладовки, долбанул ногой, и она открылась.

— Пулемёт сюда, — скомандовал я. — Тебе, Александр, доверили участвовать в расстреле царской семьи. Не подведёшь?

— Я всё сделаю.

— Пулемёт к бою.

Тот быстро развернул пулемёт в сторону входа в комнату. А я пытался представить: точно ли пулемётным огнём можно будет положить всех этих уродов?

— Так, ждём Юровского, — сказал я, обходя его сзади и одновременно перехватывая кольт Медведева-Кудрина за ствол.

Хватило небольшого замаха, чтобы ударить его рукояткой по голове. Стрекотин повалился на пол. Вершинин, не ожидавший ничего подобного, смотрел на меня с испугом на лице.

— Помоги оттащить его в глубь комнаты. Свяжи ему руки сзади и кляп воткни, а то очнётся в неподходящий момент. Пулемёт надо задвинуть в глубь комнаты, чтобы не мешал открыть створки дверей, — пояснил я Вершинину. — Свою винтовку тоже здесь спрячь. Дверь закроем до момента, когда все встанут напротив. Как распахну дверь, сразу же всех вали. Глеб, боевой опыт только у тебя. Я из пулемёта стрелять не умею. Я вообще в человека никогда не стрелял. Думать умею, а стрелять — нет. Так что от тебя зависит почти всё.

— А если я их, ну, семью зацеплю...

— Я их предупредил, чтобы встали вплотную к стене. — Я показал рукой. — Юровский с остальными встанут по этой стене перед тобой, а большая часть людей будет в дверном проёме.

Всего их будет человек одиннадцать-двенадцать. Как только открою дверь, сразу открывай огонь. В соседней комнате ещё будут несколько человек из местной верхушки, их тоже нужно всех прикончить. Сейчас я уйду и вернусь. Надо ещё двоих поставить на входе, чтобы они никого не выпускали после того, как сюда заведут царскую семью.

— Глеб, — посмотрел я на него. — Сейчас всё зависит от нас. Либо мы вместе с ними уйдём, либо вместе с ними ляжем здесь. Вот возьми. — Я протянул ему кольт. — У меня ещё этот есть. — Я показал браунинг. — Всё, я пошёл. А ты пока хоронись.

Добежав до комнаты, где раньше стоял пулемёт, я гаркнул:

— Берзиен, Баранов, выйти ко мне!

Из двери вышли двое.

— Остальным оставаться!

Двери снова закрылись. Я повёл вышедших в соседнюю комнату, закрыл дверь.

— Послушайте. Вы отказались стрелять в княжон.

Оба переглянулись.

— Так вот: Юровский приказал расстрелять вас как неблагонадёжных.

У обоих отвисли челюсти.

— Вас хотят взять с собой на место захоронения тел — там вы и останетесь. Юровский превышает полномочия. Меня из Петрограда прислали следить за порядком, а тут такое Местные все за него, стеной стоят. Поэтому мне нужна ваша помощь. И только я могу вас вытащить, пока он не устроил самосуд. Вы понимаете, в каком вы положении?

Они молчали, лица застыли в растерянности.

— Вы хотите жить? — задал я прямой вопрос.

— Что мы должны сделать? — первым опомнился Баранов.

— Когда все сюда зайдут, вы встанете у дверей снаружи. Ближе к ним не подходите, за ними будет стрельба. Ваша задача — никого больше из охраны в соседнюю комнату не впускать, кроме чекистов и комиссаров — им можно. Медведев или Голощёкин могут выйти и потом вернуться — их пустите. А ещё Ваганова, матроса, который с Ермаковым, ему тоже можно. — Про себя подумал: «Хорошо бы их всех здесь положить». — Вам понятно?

Они переглянулись.

— Вам понятно? — ещё раз спросил я.

— Да, — ответил Баранов за обоих.

— От ваших действий — я поглядел каждому в глаза — в том числе и от ваших действий будет очень многое зависеть. Детей царя убивать приказа не было. Юровский решил никого не слушать и всё сделать по-своему.

Берзиен с Барановым оживились, на их лицах было возмущение.

— Вам понятно?

Они кивнули.

— Да, ясно, — наконец услышал я голос Берзиена.

— Я буду там, в комнате, со своими людьми. Нам приказано остановить Юровского и взять под арест. Командовать расстрелом царя буду я. Когда всё закончится, я подойду к дверям и произнесу: «Вы двое можете войти». Вот после этих слов откройте мне дверь. Ясно?

— Ясно, — сказал Берзиен.

Оставив их снаружи, я побежал обратно в кладовую. Когда я заходил в комнату, створки дверей в кладовку были приоткрыты. Войдя в кладовку, я закрыл двери и прошептал:

— Будем ждать здесь, за закрытыми дверями. Стрекотин не очнётся?

— Нет. Я сделал, как вы сказали: связал и кляп засунул. Он не помешает.

Мы замерли. Я слышал только своё дыхание — слишком громкое, предательски громкое. Шаги приближались. Голоса. Дальше разговоры про то, что нужно сфотографироваться. Вот речь зашла о стульях, кто-то принёс два стула. Стулья двигали по полу, и этот скрип въедался

в уши. Юровский просит всех встать в одну линию. Моё сердце заколотилось сильнее. Напряжение достигло апогея.

— Пора, — прошептал я и рванул створки на себя.

Я успел всех рассмотреть. Тут же раздалась пулемётная очередь. Кто-то из палачей успел выстрелить несколько раз. Слышались крики, и тут же всё оборвалось. Большая часть расстрельной команды уже лежала на полу, лишь пара человек сползали, держась за проём. Вершинин сделал ещё несколько очередей в глубь соседней комнаты, угодив то ли в светильник, то ли в выключатель — в комнате погас свет.

В этот момент распахнулась дверь, и в соседнюю комнату вбежал матрос, направляясь в комнату расстрела. Он остановился перед телами латышей, лежавших в проёме. Двери за ним закрылись. Раздалась ещё одна очередь — матрос упал. В комнате с мёртвым телом матроса кто-то медленно передвигался. По движущимся теням можно было догадаться, что там кто-то есть. Двое метнулись к закрытой двери, за которой должны были стоять Баранов и Берзиен. На середине комнаты их подкосила пулемётная очередь.

Выбежав из кладовки, я негромко прошептал, указывая рукой на неё:

— Все туда! Быстрее, быстрее! — я махал рукой, показывая на кладовую.

Сделал шаг вперёд — и почувствовал, как сапоги прилипают к полу. Пол был сплошь залит кровью.

Запах пороха и крови бил в нос, оседал в горле. Кровь бешено пульсировала в висках.

— Глеб, — я указал кивком на соседнюю комнату, целясь из пистолета через проём двери в пустоту.

Тот понял: там кто-то есть. Он сделал несколько шагов и встал у стены рядом с проёмом, держа кольт двумя руками.

— Я выключу свет, — едва слышно прошептал я, показывая рукой на светильник. — Потом заходи.

За нашими спинами началось какое-то движение и звук переминающихся на месте людей. Из кладовки выполз Стрекотин, издающий какие-то звуки, похожие на протяжное мычание.

— Ты чего ему ноги не связал? — прошипел я.

Вершинин виновато пожал плечами. В это время Стрекотин уже стоял на ногах и кинулся к двери в соседнюю комнату. Выбегая, он смотрел в сторону Вершинина. Сделав шаг, он споткнулся о чьё-то тело, лежавшее в проёме дверей, и начал падать. Раздались выстрелы. Стрекотин упал и замер. На его одежде стали проявляться пятна крови.

Я выключил свет в комнате, в которой мы находились.

Вершинин постоял перед дверью несколько секунд, потом резко нырнул в комнату, как кошка, приземляясь на руки. Совершив то ли кувырок, то ли переворот — я не успел понять — он пропал из виду. Раздался ещё один выстрел. Я тут же вбежал в комнату, перепрыгнув через тела, лежавшие в проёме. Остановившись перед телом матроса Ваганова, я направил на него свой браунинг и заорал:

— Руки вверх! Пристрелю!

— Он мёртв, — послышался голос Вершинина, стоявшего сбоку от меня и приставившего дуло к голове Павла Медведева, второго Медведева из расстрельной команды.

«Медведев, Павел, сволочь», — вырвалось у меня. «Это точно он», — пронеслось в голове.

Тот, задрав руки, трясся. Я развернулся в их сторону.

— Что мне с ним делать? — еле слышно спросил Вершинин.

— Он нам может пригодиться. Держи его на мушке. Дёрнется — стреляй, не раздумывая.

— Глеб, ты ранен? — увидел я пятна крови на рукаве его гимнастёрки.

— Задел немного, сволочь, — выругался Вершинин. — Кажется, царапина. Ерунда.

— Доктор, — позвал я шёпотом Боткина. — Перевязать можете?

Из темноты вышли две фигуры. Боткин и Николай Второй. Я повернулся к царю. Хотя и было темно, но их лица можно было различить.

— Разбирайте оружие.

В это время Боткин пытался рассмотреть рану Вершинина.

— Не опасно, — заключил он. — Но перевязать стоит.

За дверью, которую охраняли Баранов и Берзиен, стало отчётливо слышно, как люди громко ругаются, угрожая друг другу. Я бросил взгляд на пол, оглядывая тела.

— Это Белобородов, Голощёкин и Ваганов? — спросил я, посмотрев на Медведева.

Тот нервно кивал, глядя то на меня, то на Вершинина.

— Это очень хорошо, — проговорил я вслух, размышляя, что делать дальше.

— Что теперь? — с какой-то досадой прошептал Вершинин.

— А теперь нам нужно попасть в грузовик, стоящий во дворе.

Вершинин хмыкнул:

— И как мы туда попадём?

— Как трупы, — сказал я и увидел, как расширяются его глаза. — Да, не мы с тобой, — начал я.

Вершинин с надеждой в глазах смотрел на меня.

— Если сейчас попытаемся прорваться к грузовику, попадём под шквальный огонь. А это нам не подходит. Сейчас, — я говорил едва слыша самого себя, — я выйду и объявлю, что царская семья расстреляна, а вместе с ними и заговорщики, пробравшиеся в охрану дома и пытавшиеся освободить царя и его семью. Думаю, поверят. К тому же товарищ Медведев всё подтвердит. — Я взглянул на Медведева. — А мы не только сохраним ему жизнь, но и заплатим драгоценностями за помощь. Хорошо заплатим, надолго хватит. И Николай Александрович даст ему честное слово, что будет именно так.

Царь внимательно слушал наш разговор.

— Николай Александрович, вы согласны?

— Думаю, это разумно, — согласился Николай Второй.

— Чтобы всё получилось, надо будет действовать согласно их плану. А они собирались вывезти тела убитых для захоронения за город. Поэтому вынесем вас всех как убитых. Возьмём простыни, перепачкаем их в крови этих уродов — я показал на убитых — накроем ваши тела и будем выносить и грузить в кузов как мёртвых. И на этом грузовике поедem, как будто к месту, где вас должны были захоронить. Вот такой план.

Вершинин смотрел на меня очень внимательно.

— Может сработать, — прошептал он.

В этот момент к нему подошла Мария, держа в руке оторванный лоскут ткани.

— Я умею, — глядя на Глеба, прошептала она.

— Ну, раз умеешь, делай. — Я посмотрел в сторону Вершинина. — Давай, Глеб, потом времени не будет.

— Ну — настраивая себя и собираясь с мыслями, я взглянул на Боткина и Николая Второго. — Я пошёл.

Подойдя к дверям комнаты, которую охраняли Берзиен и Баранов, я громко произнёс:

— Вы двое можете войти.

Дверь стала приоткрываться. Как только она приоткрылась, и я успел выйти, тут же увидел Клещёва и Дерябина, которые должны были стоять на постах под окнами комнат, где произошла стрельба. Да, это они. Совершенно точно, я это знал наверняка. И вообще, я как будто острее стал чувствовать ситуацию и понимать происходящее, став неотъемлемой частью этих событий. За спинами Клещёва и Дерябина было ещё несколько человек, которые целились из винтовок в нашу сторону.

— Стоять! — мой голос прозвучал как удар хлыста. — Царь с семьёй расстрелян. Предатели, пытавшиеся их спасти, тоже. Всё кончено. Если вы спешите на помощь вашим друзьям, пытавшимся организовать побег царской семьи, то поздно – они расстреляны вместе с ней. Значит вы за одно с ними? Я потянулся за браунингом – да, я вас расстреляю собственноручно!

Винтовки дрогнули, но не опустились.

Я шагнул вперёд, и они отступили на полшага. — У меня полномочия ЧК. Сейчас вы будете делать то, что я скажу, или трибунал и расстрел. Выбирайте быстрее.

Тишина повисла, тяжёлая и удушливая. Потом кто-то опустил ствол. За ним — второй. И ещё один.

— Всех пособников мы вычислим и покараем.

— Медведев, иди сюда, — позвал я Павла Медведева.

Тот появился в проёме частично. Оглянувшись, я разглядел, как Вершинин, прячась за стеной, воткнул ему в бок дуло кольта.

— Это твои? — обратился я к нему. — Можешь за них поручиться?

— Да, это мои ребята, — подтвердил он.

Я обернулся к Медведеву и намеренно с подозрением продолжил, вживаясь в роль страшного чекиста:

— А вот в тебя латыши не стреляли. Или не попали?

Злобно глядя на меня, Медведев выдавил из себя, цедя слова:

— Не попали.

— В этом мы тоже разберёмся. В сложившихся обстоятельствах, — начал я командным тоном, — я единственный, кто имеет полномочия ЧК, чтобы довести начатое до конца. К сожалению, предотвратить этот заговор удалось ценой жизни наших товарищей. И мне предстоит выяснить, кто ещё участвовал в подготовке побега. Я буду решать, что с вами, со всеми, делать. Так зачем вы сюда припёрлись? Помочь им?!

— Нет, нет, — растерянно начали раздаваться голоса.

— А мы это обязательно выясним. Или вы думаете, в ЧК идиоты служат? Обо всём мне расскажете.

Я подошёл ближе к уже не такой воинствующе настроенной группе красноармейцев, опустивших винтовки.

— Ну, не верю я, что только латыши были куплены монархистами. Кто-то им помогал. К этому вопросу вернёмся позже. Повторяю: царская семья расстреляна, и сейчас мне нужно погрузить их тела в грузовик и вывезти к месту — я остановился, — куда надо, туда и вывезти. Поэтому слушайте мою команду. Вот ты, — показал я на Дерябина, — метнись наверх, в комнаты арестованных, и заberi все простыни и одеяла. Неси их сюда. Ни с кем не разговаривать, никаких действий не предпринимать, никакой самодеятельности. Всем, кто должен быть на постах, немедленно вернуться.

— Ты, — посмотрел я на Клещёва, — сходишь в сарай и возьмёшь оглобли. Сделаем из них и одеял носилки для переноски тел. Всё понятно? Разошлись, — гаркнул я. — И никаких обсуждений на местах.

После того как все разошлись, а Вершинин утянул Медведева, я шёпотом обратился к Баранову и Берзиену:

— Княжны и слуги живы, но придётся выдать их за мёртвых и вынесем как трупы. Вы двое будете выносить княжон и с остальными поможете. Аккуратно погрузим их в кузов грузовика. Мои бойцы будут помогать. Это понятно?

— Что будет с княжнами? — спросил Баранов.

— Я должен передать их — посмотрев на Баранова, добавил: — С ними будет всё в порядке, они останутся живы. Вы поедете с нами. Во-первых, я нуждаюсь в вашей помощи и доверяю вам. А во-вторых, вы сами убедитесь, что с ними всё будет в порядке.

— Хорошо, — согласился Баранов, отвечая за двоих.

— Ждите бойцов, которых я послал за одеялами и оглоблями. Внутри комнаты их не выпускайте.

— Всё сделаем, — опять за двоих ответил Баранов.

Я вернулся в комнату, где была царская семья.

— Придётся вам сыграть роль убитых, — обратился я к ним, продолжая говорить шёпотом. — Притвориться мёртвыми. Я надеюсь, вы сможете перебороть в себе брезгливость и не выдать себя, когда вас накроют простынёй, пропитанной кровью.

Большая часть смотрела на меня испуганными глазами. Я обвёл взглядом женскую половину и постарался насколько смог спокойно сказать:

— Всё должно получиться. Как только вы окажетесь в кузове грузовика, мы сможем отсюда выехать. Но когда ваши тела будут перекладывать на пол кузова, может быть неприятно, даже больно. Но никто из вас не должен себя выдать. Постарайтесь, прошу вас, это очень важно. В кузове всех накроют полотном. Нужно потерпеть и не шевелиться под ним, пока я не скажу, когда можно будет выбираться.

— Теперь, господа, вам нужно лечь в этой комнате вместе с этими, — показал я на Юровского, Никулина, Медведева и Ермакова, — чтобы, если кто-то заглянет в дверь или в окно, он увидел вас лежащими на полу. Чем больше крови будет на одежде, тем достовернее вы будете выглядеть «мёртвыми». Все сразу же начали устраиваться на полу, принимая различные позы. Я видел, как они пытаются перебороть отвращение к тому, что придётся испачкаться в чужой крови.

— Глеб, пулемёт забираем с собой и всё оружие, которое здесь. Ты носилки нести сможешь? — поинтересовался я, взглядом указывая на повязку у него на руке.

— Не волнуйтесь.

Он не успел договорить. Послышались шаги, и раздался голос Дерябина из комнаты, где были Баранов и Берзиен:

— Куда всё?

Я поспешил к нему.

— Адеяла оставьте.

Забрав у Дерябина простыни, я отнёс их в комнату, где были трупы расстрельной команды Юровского.

— Бросай на пол пусть пропитаются кровью, — обратился я к Вершинину передавая простыни.

И успел закрыть комнату с телами, притворяющимися мёртвыми, и выйти в соседнюю, как увидел вернувшегося Клещёва вместе с оглоблями на пороге соседней комнаты.

— Делайте носилки. Привязывайте одеяла к оглоблям, быстро.

Они сустились, пальцы путались в узлах.

— Быстрее! — рявкнул я.

Дерябин и Клещёв справились довольно быстро.

— Что дальше? — задал вопрос Клещёв.

Я обратился к обоим.

— Идёте к северным воротам, к переулку. Откроете их, когда будем выезжать, и оставайтесь там, пока не вернёмся. И ни с кем не разговаривать, никаких действий не предпринимать

— И никакой самодеятельности, — закончил мою фразу Дерябин.

— Сообразительные. В ЧК со мной не хотите поработать?

Глаза у охранников загорелись.

— Выполнять, — скомандовал я.

— Да, — отозвались они одновременно и бегом удалились.

Первым на носилках вынесли Николая Второго, затем Александру Фёдоровну, потом Алексея. Когда укладывали на носилки Алексея, он нашёл меня взглядом. Я понял, что он хочет что-то сказать. Я нагнулся к нему и услышал:

— Джой, моя собака. Пожалуйста, — умоляюще он смотрел на меня.

— Постараюсь, — пришлось пообещать ему.

Хуже всех обстояло дело с горничной Демидовой. Она так тряслась, что носилки ходили ходуном, когда мы выносили её «тело» на улицу. Красноармеец на посту во дворе заметил это. Укладывая в кузов Демидову, я скомандовал Вершинину:

— Возьми винтовку и прикончи её.

Вершинин, оторопев, посмотрел на меня.

— Лезь в кузов и делай, что тебе говорят, — и я подмигнул ему.

Моё лицо мог видеть только Глеб. Он едва заметно усмехнулся.

— Дай ему винтовку, — скомандовал я, обернувшись к стоявшему у меня за спиной бойцу.

Взяв винтовку, Вершинин ловко запрыгнул в кузов машины. Прошло какое-то время. Вершинин вылез из кузова, на штыве была кровь.

«Наверняка сообразил вытереть штыв о простынь, — подумал я. — Молодец».

Глеб отдал винтовку красноармейцу и посмотрел на меня очень сердито.

Демидову положили рядом с Александрой Фёдоровной. Когда Вершинин залез в кузов с винтовкой, императрица лежала на спине с открытыми глазами, повернув голову к Демидовой и Вершинину. Нащупав руку горничной, императрица несколько раз погладила её по руке. Вершинин приложил палец к губам. Царица ещё раз погладила Демидову по руке. Та начала поворачивать голову в сторону Вершинина, увидела взмах винтовки, тут же отключилась, потеряв сознание.

Затем вынесли Татьяну и Ольгу. Следующими вынесли Анастасию и Марию. Когда Берзиен и Баранов перекатали Марию с носилок на пол кузова, Вершинин, запрыгнув в кузов, обратился к ним:

— Я сам. Идите за остальными.

Те послушно пошли за следующим телом. Стоя на коленях, Глеб подхватил Марию на руки и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, также на коленях перенёс её в глубь кузова.

Когда он укладывал её рядом с Анастасией, Маша открыла глаза. Их взгляды встретились. Первой улыбнулась Маша. Глядя в её синие глаза, он тоже улыбнулся. Маша вложила свой кулачок в руку Глеба и разжала его. Он почувствовал, как в его ладонь что-то упало. Когда Маша убрала руку, он увидел в своей ладони крестик. Глеб взглянул на княжну. Маша ещё раз улыбнулась и закрыла глаза, притворяясь мёртвой.

Глеб ещё какое-то время смотрел на Марию и был уверен: он никому не позволит причинить ей что-то плохое. Он положил крестик в левый нагрудный карман гимнастёрки, застегнул пуговицу, будто прятал самое дорогое и важное, что у него есть.

Когда он выбрался из кузова, он точно знал, что поступает правильно и что готов сражаться за эту девушку хоть с самим дьяволом.

Потом выносили Боткина и Харитонову. Сначала хотели вынести камердинера, но Боткин сказал, что он мёртв. Была отчётливо видна рана в области сердца.

— Он стоял перед Анастасией и спас её, — пояснил Боткин.

В кладовке нашли полотно, похожее на брезент. Накрыли им тела.

Карликовую собачку Анастасии и бульдожку Ольги поместили в отдельные свёртки из простыней в виде узелков. Эти узелки с собаками внутри я демонстративно небрежно забросил в кузов.

— Будут вякать — приколи их, — обратился я к Вершинину.

Тот был каким-то отстранённым.

— Вершинин, — гаркнул я. — Соберись.

Красноармейцу, стоящему у двери, я приказал подняться на второй этаж, найти и притащить ещё одну собаку.

— Живой притащи. Сам её хочу прикончить. Царям и собакам — собачья смерть, — подмигнул я ему.

Тот скривил лицо и пошёл за собакой. Баранов и Берзиен пошли за телом камердинера. Когда вынесли труп Алоизия Егоровича, появилась собака Алексея. Оказалось, она бегала на улице.

— Собаку надо изловить, — скомандовал я.

Носилки поставили на землю. В этот момент собака схватила зубами простыню и стянула её с тела камердинера и побежала вместе с ней в дом по лестнице на второй этаж, бросив простынь на середине лестницы.

— Изловите её и спеленайте прямо в эту простынь.

Обойдя грузовик, я жестом показал Клещёву и Дерябину, чтобы они подошли ко мне.

— Значит так, слушайте мою команду. После того как мы уедем, труп этого, — я показал взглядом на тело камердинера, — отнесёте в сад и закопаете. Места в кузове всё равно нет. Если белые войдут в город — такое может случиться, — пусть думают, что они в саду зарыты. Пусть тут всё перекопают. Задача ясна?

— А глубоко закапывать? — спросил Дерябин.

— Решайте сами. Как только выедем, так и приступайте.

Я и Медведев стояли позади грузовика. Медведева трясло и мутило, он постоянно сглаживал, казалось, что его сейчас стошнит.

— Успокойся, Павел, — прошептал я ему на ухо дружеским тоном. — Ты будешь свободен и богат. Тебя никто не обманет.

— Вы, — обратился я к Вершинину, стараясь говорить тихо, — сядете с шофёром. Его должны видеть.

Кажется, мои слова подействовали на Медведева ободряюще. Когда он усаживался между шофёром и Вершининым, он уже не трясся.

Водитель (а я знал, что его фамилия Люханов) начал было возмущаться:

— Зачем сюда? Нет места!

Но я его одёрнул:

— Так надо. За городом боец пересядет в кузов.

Люханов изобразил неудовольствие, но перечить не стал.

Последними в кузов забрались Баранов и Берзиен вместе с пулемётом, и я с собакой.

— Открывайте ворота.

Ворота открылись, и мы выехали на Вознесенский переулок. Вывернули на проспект, дальше — по главной улице, за пределы города, по дороге к Верх-Исетскому заводу. Впереди была тьма и неизвестность. Пёс Алексея сначала визжал, а потом начал выть. Мне вдруг показалось, что мы не уезжаем спасаясь, а едем навстречу чему-то ещё более страшному.

Глава 3.

Как только мы выехали за город, я приказал Люханову остановиться.

— Глеб, давай к нам.

Когда он залез в кузов, а автомобиль тронулся, меня вдруг осенило. Глеб, Дарья и Полина Вершинины. Я всё вспомнил.

Я вспомнил, что, когда моя дочь ещё училась в школе, она участвовала в этнографической экспедиции вместе с другими школьниками и учителями истории, организованной на какой-то грант. Они ездили по деревням Уральского региона. Общались с местными жителями, собирая и проверяя информацию об интересных людях нашего края. Изучали события, происходившие на Урале в начале XX века, память о которых дошла до наших дней.

Александр было поручено интервьюировать старожилов деревни Коптяки и написать отчёт об одной интересной семье из этой деревни. Да, из её отчёта, который я так увлечённо читал, я узнал о семье Вершининых, которые жили в начале XX века в Коптяках.

Теперь я вспомнил содержание отчёта, прочитанного двенадцать лет назад.

Из него я узнал, что Вершининых в Коптяках считали особенными. Местные думали и верили, что поселились они здесь давно, скрываясь от опалы какого-то царя (никто уже не помнил какого), но почти все были уверены, что никакие они не крестьяне, что их предки — дворяне. Уж сильно выделялись среди местных. Были очень красивыми, белокожими, не такими, как местные, и почти все Вершинины были светловолосыми. Все помнили, что с тех пор как появились Вершинины на Урале, их семейство жило скромно, не выделяясь, и зарабатывало своим трудом. Сыновья тех, кто здесь когда-то скрывался, женились на местных. Так и осталось жить это семейство в этой местности.

Но у деревенских особое место в их воспоминаниях занимало семейство Вершининых, главой которого был Николай Ефимович. Вернувшийся с «японской» на костылях, с приговором врачей, что одна нога будет мёртвой и ходить на костылях придётся всю жизнь. И то, что его жена, которую звали Серафима Ивановна, вылечила его ногу, и через год он ходил уже на двух ногах, слегка прихрамывая. Что его жена Серафима была известной местной целительницей, лечившей не только местных, но и тех, кто к ней приезжал специально. Знала, как приготовить целебные порошки, мази, настойки и другие снадобья. Что вылечивала людей от разных травм, болячек и болезней.

Что было в их семье трое детей: Глеб, Дарья и младшая Полина. Старшим был сын Глеб, и он считался среди деревенских в то время самым образованным. Рассказывали, что довелось ему воевать в Первую мировую в особом отряде, ходившем за линию фронта со специальными заданиями, а после революции, когда он вернулся с войны, был зачислен в охрану Ипатьевского дома. Глеб рассказывал местным, что, несмотря на запрет, общался с членами царской семьи и с большой теплотой говорил о княжне Марии, в которую, как казалось местным, он был влюблён.

Да, я вспомнил, как дочь описала множество подробностей из жизни этого семейства со слов местных жителей.

Что у Глеба был друг детства, Андрей Андреевич Шереметевский, в которого была влюблена Дарья, старшая дочь Вершининых. Что Андрей Шереметевский был сыном учителя рисования городской гимназии, и их семья в деревне имела свой дом, в котором жила с весны по осень.

Полина, младшая сестра Глеба, запомнилась местным тем, что рисовала то, чего не было, но в будущем обязательно должно было появиться. Помнили, как она однажды нарисовала рисунок, на котором была изображена их деревня вместе со школой и магазином, которых в ту пору не было. И которые появились на том самом месте значительно позже, уже при советской

власти. Ещё она запомнилась тем, что рисовала портреты людей, но не такими, какими они были в настоящем, а теми, кем они должны были стать в будущем. У многих коптяковцев сохранились эти портреты их родственников. И все изображённые на них люди в будущем стали именно такими, какими их нарисовала Полина.

О Полине коптяковцы вспоминали с теплотой. Необычная была девчонка. Портреты и другие изображения она рисовала с раннего детства: сначала палочкой на земле, потом угольками на поверхностях, попадавших ей под руку, а позже — карандашом на бумаге, доставшейся ей от дачников, которым очень нравились её рисунки и для которых она специально что-нибудь рисовала. За свою работу она брала листами бумаги и карандашами.

Так однажды отец Андрея Андреевича увидел работы Полины в их доме, где они были развешаны по стенам, помещённые в рамочки. Увидев их, он посоветовал родителям развивать талант дочери и предложил взять её себе в ученицы без всякой оплаты. А позже взялся обучать ещё несколько местных девчонок и мальчишек совершенно бесплатно. Он же подарил Полине её первый альбом для рисования и цветные карандаши. Внеклассные уроки для своих учеников из гимназии всё тёплое время глава семейства Шереметевских проводил здесь, в Коптяках, где его ученики рисовали пейзажи и людей. Полина была лучшей его ученицей даже среди гимназистов, хотя её стиль и образы, которые она создавала, сильно отличались от того, что преподавал Шереметевский-старший.

Обе сестры были необыкновенно красивыми и постоянно привлекали к себе внимание.

Александра очень художественно описала в своём отчёте один случай из жизни этого семейства, о котором знали все местные. Когда Дарье было шестнадцать лет, за ней начал ухаживать один из приказчиков Злоказовского завода. Даше он не нравился, не нравился он и семейству Вершининых. Приказчик как будто тронулся умом от красоты Даши. Он приезжал в деревню каждый день, пытался ухаживать за Дарьей и делал дорогие подарки, от которых та категорически отказывалась, убеждая его, что он ей не нравится и приезжать больше не нужно. Приказчик отказа не принял и однажды, приехав в дом Вершининых, когда там была одна Дарья, попытался её изнасиловать. Даша отбилась и убежала, нашла Глеба и с рёвом обо всём ему рассказала. Глеб настиг злодея на коптяковской дороге. И тот после этого две недели лечился после побоев.

Когда в деревню приехал урядник, чтобы арестовать Глеба, вся деревня встала на его защиту, утверждая, что это ошибка и приказчик обознался, что в то время, когда произошло якобы нападение на коптяковской дороге, Глеб находился на именинах среди гостей. Уряднику этого было достаточно, чтобы снять с него подозрения.

Но история не закончилась. Оправившись, приказчик приехал разобраться с Глебом, прихватив с собой злоказовских рабочих. Глеб не побоялся выйти к ним и всё объяснить мужикам. После чего те уехали вместе с приказчиком. И в этот же день уже свои, злоказовские, навалили ему, и он долго отлёживался дома, залечивая побои. А после этого уволился и уехал в неизвестном направлении.

Из подробно исследованной и описанной в отчёте дочери истории этого семейства я узнал, что Глеб и Андрей после расстрела царской семьи отправились воевать. И тут версий было несколько. Одни местные считали, что они сражались за белых, другие — что за красных, но все сходились во мнении, что оба сражались храбро и дослужились до высоких чинов.

Мы проехали мимо Верх-Исетского завода. Были в паре километров от разъезда, откуда начинался густой смешанный лес, тянувшийся до самых Коптяков. Всё это время я смотрел на Вершинина.

Глеб не выдержал и спросил:

— Что-то не так?

Я не успел ответить.

Раздался выстрел. Через тканевую стенку, которая разделяла водителя и кузов, я увидел, как тело Медведева завалилось на бок и потом выпало из машины. Тут же прогремел второй выстрел, который попал в шофёра. Машина замедлила ход и, проехав несколько метров, остановилась. Двигатель продолжал работать.

— Всем на пол! — скомандовал я бойцам, находившимся в машине, и пригнулся сам.

— Что это? — спросил кто-то из тех, кто был в кузове.

Я пытался соображать.

«Если стреляли в Медведева, значит, это скорее всего те, кто против большевиков, — рассуждал я вслух. — Пожалуй, только группа Малиновского — офицеры академии генерального штаба, которых сюда перевели для обучения, — продолжал я рассуждать. — Только они могли на такое решиться. Или монархисты, но в этом я лично не уверен».

Прошло ещё какое-то время, когда недалеко от машины послышалось:

— Выходите по одному, или закидаем гранатами.

— Я выхожу, — сказал я спокойно. — Гранаты кидать не нужно.

Почему-то без всякого страха я выпрыгнул из фургона. Передо мной стоял молодой человек, которого я сразу узнал. Я вообще довольно легко доставал из памяти информацию о людях и событиях, которые мне приходилось когда-то изучать.

Человек, стоявший передо мной, имел внешность эдакого офицера-красавца. Вот этот красавец целился в меня из карабина. А ведь в кузове пулемёт с бойцами на взводе. Рискует. Или не подумал, или так в себе уверен.

— Где гранаты? — спросил я его спокойно, чего он совершенно не ожидал.

Ещё раз приглядевшись, я окончательно убедился, что передо мной барон Деллингсгаузен — капитан Николай Александрович Деллингсгаузен.

— Деллингсгаузен, ты дурак? — задал я вопрос человеку, целившемуся в меня.

Тот опешил.

— Ты понимаешь, что мог натворить, если бы промахнулся?

— Я бы не промахнулся, — перебил он меня с уверенностью в голосе.

— Ты мог попасть в их императорское величество или цесаревича. Они находились за спиной шофёра. Ты понимаешь, что бы ты наделал?

Он продолжал смотреть на меня через прицел карабина.

— Я не понимаю, что вы несёте, — процедил он.

— Что ты не понимаешь? В кузове императорская семья. Что тебе непонятно?

Я обернулся к кузову.

— Николай Александрович, — позвал я императора. — Мне нужна ваша помощь. Воскресайте.

В кузове началось шевеление. Через какое-то время из него начал выбираться Николай Второй в мундире, перепачканном кровью.

— Это вы... — у барона задрожали губы. — Вы живы...

— Ты хоть понимаешь, что ты наделал? Выстрелы было слышно на несколько километров. А в районе переезда находятся бойцы Ермакова — это двадцать-тридцать человек. Если они все сейчас сюда припрутся, да даже если кого-нибудь отправят... Ты понимаешь?

— Я умею стрелять, — проявил упрямство Деллингсгаузен.

Вот никогда мне не нравились худые самоуверенные красавцы. Толи дело Вершинин — brutальный красавец, прям славянский воин. Художники на своих полотнах изображали княжичей с такими чертами. Хотя, по истории, барон мужик был хороший, а самоуверенность — это молодость и неопытность.

— Здесь вся ваша пятёрка? Кто с тобой? Ахвердов, Гершельман, Ярцов, Малиновский тоже здесь?

Деллингсгаузен смотрел на меня, вытаращив глаза.

— Сколько вас? — повторил я вопрос.

Он смотрел то на меня, то на Николая Второго.

— Что? — переспросил он.

— Кто с тобой? — как бы пытаясь до него докричаться, спросил я ещё раз.

— Деллингсгаузен, — сосредоточившись на мне, ответил по слогам — Ма-ли-но-вский.

— Так махни ему рукой, только не ори, пусть выходит.

Со стороны довольно часто стоящих друг к другу деревьев через какое-то время появилась фигура человека с револьвером в руках. Приближаясь, он смог разглядеть Николая Второго и тут же бросился к нему:

— Господи, боже мой, Ваше Императорское величество! Я верил, я верил, что...

— Дмитрий Аполлонович, где остальные члены вашей группы? — перебил его я.

— Откуда вы...

— Вопросы потом, — оборвал его я. — Где остальные и почему вы оказались именно здесь?

— У нас была информация, — выправившись, чётко по-военному стал отвечать Малиновский. — От монахинь. Им приказали еду больше не приносить, мы сразу поняли, что что-то готовится. Я был уверен, что семью будут перевозить. А ещё у нас была информация, что в эту сторону выезжал Юровский. На всякий случай мы решили подстраховаться и с вечера остаться здесь. Нам не хотелось верить, но мы думали, что их могут вывести в лес, чтобы расстрелять. Мы с Николаем решили на всякий случай перекрыть этот участок дороги, чтобы машина не смогла проехать мимо нас. А троих я отправил в район железнодорожного вокзала. Нас пятеро. Остальные... — он виновато смотрел на меня.

— Ладно, это не главное. Ну как же вы решились стрелять, если были уверены, что в кузове царская семья? Могли ведь случайно попасть. А как же сопровождающие? Они бы попытались казнить их. Вы же рисковали.

— Да, рисковали. Но стреляли с фланга. Ну и не могли мы дать проехать мимо нас — догнать бы грузовик не получилось, и мы бы уже ничем не смогли помочь. И ещё: Николай — меткий стрелок. Был шанс, что мы перестреляем сопровождение.

— Хорошо, — удовлетворился я объяснениями Малиновского. — Но выстрелы же наверняка слышали.

— Здесь это не редкость. Рассчитывали, что спишут...

— Хорошо бы. Но теперь всё равно нам нужно срочно всем уходить отсюда.

— Глеб, — обратился я к Вершинину. — Скорее всего, нам прямо сейчас нужно пересекать железку и уходить в лес, обходя дорогу, ведущую в Коптяки. Кстати, у Коптяков тоже стоят красноармейцы, я это точно знаю. Так что выход один — уходить в лес.

Деллингсгаузен и Малиновский, как мне показалось, посмотрели на меня с каким-то уважением. А может, всё дело в том, что они посчитали меня старшим.

Я заглянул в кузов грузовика:

— Господа, тихонечко выбираемся наружу. Собак распеленайте и держите при себе. Татьяна, Анастасия, простыни, в которых были ваши собаки, захватите с собой — я покажу, как из них сделать переноску для собак. Алексей, тоже захвати простынь — поводок из неё сделаем.

Все начали выбираться наружу.

— Давайте быстро соображать, — обратился я к мужской части нашей компании. — Либо мы сейчас все уходим в лес и машину бросаем, либо ещё два варианта.

Первый: поехать в сторону ермаковской банды, там их прикончить, а потом спокойно уже лесом уходить в сторону Коптяков.

Второй: вы, Дмитрий Аполлонович, — да не удивляйтесь вы так, я про вашу группу всё знаю, — вернётесь на автомобиле. А автомобиль-то вы водить умеете? — обратился я к Малиновскому.

— Да-да, я умею водить.

— Тогда вам нужно ехать за остальными, чтобы они присоединились к нам. У вас есть оружие?

— Да, у нас есть: карабин и четыре нагана.

— И нож... трофейный, — Деллингсгаузен с гордостью показал свой нож, достав его из сапога.

— А пулемёт есть? — спросил я.

— Нет, — разочарованно ответил Малиновский. — Пулемёт не удалось раздобыть. Купить здесь можно, но на него нужны приличные деньги, а их у нас совсем нет.

— Итак, какой вариант выберём?

— Либо уходим в лес и бросаем машину, либо едем за подмогой.

— За подмогой, — сразу ответил Малиновский. — А вам лучше уходить.

— Тогда забирайте тела, чтобы не было видно, что грузовик угнали. Пусть думают, что они уехали в город. Выбросите их где-нибудь по пути.

В этот момент я подумал, что барон мог бы пойти с нами.

— Послушайте, Дмитрий Аполлонович. Давайте мы сейчас поможем вам забросить тела в кузов, и вы поедете один. Пусть Николай Александрович... — Деллингсгаузен устался на меня.

— Чего ты на меня вытаращился? Я ещё на тебя зол. Короче, мы его с собой забираем. Такой дерзкий и безбашенный — пусть лучше с нами пойдёт. «Впереди неизвестность, нам пригодится его от-ва-га», — произнёс я по слогам.

— Да-да, это правильно, — согласился Малиновский.

— Так и решим.

Мы быстро погрузили трупы Медведева и Люханова. Малиновский сел за руль грузовика и поехал в сторону города.

— Глеб, — обратился я к Вершинину, — уводи всех отсюда в лес.

Все гуськом пошли за Вершининым. Деллингсгаузен побежал за удаляющимися от нас людьми.

Остались Баранов и Берзиен. Они смотрели вопросительно, ожидая каких-то разъяснений. Я не стал отмалчиваться:

— А я не говорил, что они мертвы. Я вам сказал, что княжны и слуги живы. И то, одного всё-таки убили. Кстати, воспользуйтесь случаем сказать царю в глаза всё то, что вы хотели сказать, ну раз вы его спасли. Но главное: сейчас вы с нами или остаётесь?

— Я с вами, — сказал Баранов.

Берзиен ещё думал. Баранов толкнул его плечом.

— Да, да, мы с вами, — очнувшись от задумчивости, согласился Берзиен.

Вернулся Вершинин.

— Что решили?

— Глеб, — посмотрел я на Вершинина, — только ты знаешь эти места.

— Да, я знаю, — удивился Вершинин.

— Поэтому мы полностью теперь зависим от тебя. Нам надо затеряться.

— Правильно, надо уходить в лес. Давайте за мной, — махнул рукой Вершинин.

— С пулемётом помочь? — обратился я к Берзиену и Баранову.

— Справимся сами.

Мы последними отправились вслед за остальными в смешанный лес, который находился за железной дорогой.

Когда мы уже заходили в густую поросль, Глеб насторожился и приказал всем замереть и вести себя тихо. Ему пришлось отправиться на разведку, чтобы понаблюдать за местом, с которого мы начали свой пеший путь. Через какое-то время, вернувшись, он сообщил, что на дороге трое конных и что они заметили наши следы.

— Вероятно, люди Ермакова, — пояснил я. — Они местные и наверняка пойдут за нами. Следует ожидать погони.

Я подошёл к императору, державшему на спине сына:

— Николай Александрович, давайте я понесу Алексея.

— Зачем?

— Я объясню. Револьвер в ваших руках поможет нам больше, чем в моих. Я штатский и стреляю посредственно, но достаточно крепок, чтобы справиться с такой ношей.

Вмешался Деллингсгаузен:

— Никогда бы не подумал. — Он прокомментировал услышанное: — У вас военная выправка.

— Вы путаете, барон, спортивную форму с военной выправкой.

— Хорошо, — согласился Николай Второй.

После того как зашли в лес, прошли совсем немного. Женщинам было очень тяжело передвигаться в платьях. А у императрицы к тому же наблюдалась отдышка, и она тихонечко мычала.

Платья — это полбеды. А ещё Татьяне и Анастасии было нелегко нести в руках своих собачек. Они, конечно, были маленькими, но по несколько килограммов каждой девушке приходилось нести на руках.

Я жестом показал всем остановиться. Сгрузил со спины Алексея, подошёл к дамам и сразу же их озадачил:

— Дамы, с платьями нужно что-то делать.

Они смотрели на меня растерянno.

— Предлагаю их разрезать, чтобы было легче передвигаться.

В их глазах промелькнул ужас.

— Я покажу, как надо сделать, — сказал я, обдумывая, на ком из них это лучше продемонстрировать. — Я покажу, как платье превратить в подобие комбинезона.

В глазах княжон появился интерес.

— Барон, мне нужен ваш нож.

Капитан Деллингсгаузен тут же подскочил, протягивая мне свой нож, держа его за лезвие. Я осмотрел наших дам и подошёл к горничной Демидовой.

— Анна Степановна, стойте прямо. Поставьте ноги на ширине плеч. Не шевелитесь и лучше закройте глаза. Так, мужчины, отвернулись. Дамы, смотрим внимательно, как это сделать.

Из одной простыни я нарезал узкие полоски ткани, примерно сантиметр шириной, длиной сантиметров двадцать. Затем разрезал платье между ног Демидовой — сначала спереди, потом сзади. Дальше ткань платья соединил, чтобы получилась брючина, и проделал в соединённых вместе краях ткани этой брючины несколько разрезов-отверстий с краю: одно над началом разреза, два в районе бедра, одно в районе колени и два в районе голени. Продел в них тонкие отрезки ткани из простыни, сложенные пополам для крепости, скрепляя тем самым импровизированный шов брючины. То же самое сделал с лоскутом платья, обернув им другую ногу.

Когда закончил и отошёл, то удивился, как это просто — в походных условиях превратить платье в подобие комбинезона, хоть и выглядит это странно.

— Вот, — обратился я к женской половине. — Как-то так. Когда вам надоест этот фасон, можно развязать завязки и связать ими края ткани между собой, и вы снова будете в платье,

правда разрез спереди и сзади будет виден. Ну и чем больше завязок, скрепляющих края ткани, тем меньше будет дыр и плотнее шов.

— Татьяна Николаевна, — обратился я к великой княжне, — вам понятен процесс?

— Проще простого, — ответила она.

— Тогда давайте за дело. Времени у нас не много.

На «переодевание» у дам ушло не больше десяти минут. Потом я Татьяне и Анастасии показал, как из простыни сделать «кенгуру» через плечо. Сделал простые переноски для домашних животных — это должно было облегчить их движение вместе с собаками. Впрочем, девушки бы и сами догадались, как это сделать. Я просто им сэкономил время.

Когда все готовы были продолжить путь, из леса донёсся далёкий конский топот. Глеб поднял руку, приказывая всем замереть.

Я быстро прикинул: если это люди Ермакова, они знают эти места. Значит, нужно уходить с тропы и раствориться среди деревьев. Сколько их? Трое? Пятеро? Целый отряд?

Внутри всё сжималось от этой неизвестности.

Мы не знали ни сколько у нас времени, ни сколько людей идут по нашим следам. И именно эта неизвестность пугала больше всего.

Глава 4

Пешком мы шли долго, очень часто останавливались, и замедлялись. Сначала по просьбе Императора, который видел, как тяжело даётся переход его жене. Потом и все остальные начали подстраиваться под темп императрицы. Перешли через еще одну железнодорожную ветку. Потом еще шли какое-то время. Когда Вершинин остановился вглядываясь в местность. Все почему-то начали смотреть на меня.

А где мы? – поинтересовался я.

- Мы сейчас между Четырьмя братьями - бывшие Шахты и Поросёнковым логом, — сказал он тихо. — Отсюда до заимки Зубрицкого рукой подать, но болота кругом.

- Глеб - обратился я к Вершинину

- Женщины устали, нужен привал.

- Да - согласился он и начал показывать жестами, чтобы все присаживались. Все скучковались довольно плотно друг к другу.

- Думаю, настал момент познакомиться - начал я глядя в сторону Николая II и Деллингсгаузена стоявшего рядом с ним.

- Я Измиров, называйте меня, пока, так – дальше начал представлять всех по очереди.

- Глеб Вершинин - я указал на Вершинина - Алексей Баранов и Людвиг Берзиен. Ну, а присоединился к нам Барон, Николай Александрович Деллингсгаузен, в звании капитана, как и его друг Дмитрий Аполлонович Малиновский, который был с ним. Подумав я представил Великих княжон. Когда я представлял Ольгу Николаевну, Деллингсгаузен не отводил от неё взгляда. Мне даже пришлось кашлянуть, чтобы тот опомнился. А когда дошла очередь до Марии Николаевны, то на неё украдкой смотрел Глеб Вершинин, и она ему успела улыбнуться. Представил также людей из окружения Царской семьи. Царь с царицей в представлении не нуждались. Вершинин обратился к Баранову и Берзиену одновременно кивая в мою сторону:

- Вы ему представлялись?

- Нет - ответили они вместе

- И я - подтвердил Деллингсгаузен

- А мне и не надо, я человек осведомлённый и в курсе ваших... Я подумал, как им сказать о том, что я о них всё знаю. И не придумал ничего умнее, как сформулировать:

- Я ознакомлен, с вашими личными делами.

- Вы из разведки, господин Измиров? - спросил меня Барон.

- Ну, если это как-то упорядочит ваше представление о происходящем, пусть буду из разведки. Все внимательно и изучающе смотрели на меня.

- Ну, Глеб Николаевич – Вершинин сразу напрягся - нам нужно добраться до Мурзинки пройдя через Коптяки. Потому как надо забрать вашу семью с собой, на них выйдут довольно быстро и в лучшем случае просто расстреляют, а в худшем замучают, а потом расстреляют.

- И про семью мою знаете? Знали, что я местный?

- И не только это – ответил я.

Глава 5.

Подходя к лужайке, Глеб остановил всех жестом. Его что-то насторожило, показалось что-то странным. Армейская чуйка заставила сосредоточенно и внимательно всматриваться вокруг лужайки и в глубь леса. Все тоже насторожились и замерли.

— Там засада, надо обходить, — тихо проговорил он, стоящему рядом барону. — Возьми, — вручил Глеб барону наган. — Пригодится.

В правой руке он сжимал свой кольт. Барон, взяв у Николая револьвер, тут же засунул его себе за пояс.

Мы пошли в обход, пригибаясь, стараясь не шуметь. Но под ногами предательски раздавался треск ломающихся веток и сучьев.

Засаду обошли по большой дуге. Она осталась далеко позади, когда сначала раздался лай собаки Алексея, а затем прогремел выстрел.

— Стой, твари! — раздалось посреди леса.

— Их две группы! — рявкнул Вершинин. — Пулемёт назад! Не дать им подойти!

Баранов и Берзиен уже падали на землю, занимая позицию.

— Фланги! — крикнул Берзиен, глядя на Боткина и Харитонов. — Не дайте зайти со спины!

Те остолбеневшие смотрели на него.

— Влево и вправо, по пять метров! Стреляйте по тем, кто подойдёт сбоку! — голос Берзиена звучал жёстко, почти грубо, и это сработало.

Харитонов первым сорвался с места.

— Я слева! — бросил он на бегу, сжимая в руках два нагана.

Боткин только кивнул, уже уходя вправо.

Мы рванули, не разбирая дороги.

Позади грохнула пулемётная очередь, и звук этот был страшнее любого крика.

— Бегом! — снова крикнул Вершинин, оглядываясь, чтобы оценить обстановку.

Глава 6.

Добежав до ближайшей маленькой полянки и пересекая её, все начали разбегаться в разные стороны.

Александра Фёдоровна с Татьяной побежали, забирая влево. За ними бежала Анна Демидова. Справа от них бежали Ольга и Деллингстаузен. Мария с отцом и Глебом Вершининым бежали по прямой. Я же с Алёшей на спине побежал по диагонали вправо. Впереди нас неслась Анастасия, прижимая одной рукой к груди переноску со своей собакой. За ней устремился спаниель Алексея.

Бежать с человеком за спиной было тяжело, но я бежал изо всех сил. Увидев, как Настя перебегает через неглубокий, но широкий овражек с редкими деревьями и кустарником и высокой травой. Я бросился с Алексеем вслед за ней.

Спустившись в этот овражек, я успел заметить, как Анастасия уже выбирается из него, и в этот момент почувствовал, что Алексей соскальзывает со спины. Пришлось остановиться, присесть и осторожно усадить его на траву, прислонив спиной к дереву, оказавшемуся рядом. Сам встал на колени перед ним, прижал палец к своим губам и прошептал:

— Тише, здесь переждём.

Слышались выстрелы, смешавшиеся с пулемётной очередью. Прогревели несколько взрывов, пулемёт затих, но через какое-то время снова застрочил. Было страшно.

Я проводил взглядом Анастасию, запоминая, куда она бежит, и уже поворачивался, чтобы сесть рядом с Алексеем, как в последний момент увидел мужика с винтовкой, целящегося в него. Успел оттолкнуть Алексея левой рукой — он сразу завалился на левый бок, и в этот же момент прогремел выстрел. От ствола, на который он облакачивался, отлетели щепки.

Я в отчаянии шарил рукой в расстёгнутой и пустой кобуре — браунинга там не было.

«Да как же так» — мысленно простонал я.

В это время мужик начал перезаряжать винтовку, стремительно направляясь к нам. Я соскочил и, вытянув правую руку ладонью вперёд, глядя за спину мужику, прокричал:

— Николай Александрович, стойте, не надо!

«Ермаковец» поверил и начал оборачиваться, разворачивая ствол винтовки. А мне хватило времени, чтобы разбежаться и плечом врезаться ему в грудь.

Мы упали. Я, не раздумывая, левой рукой стал прижимать его тело к земле, а кулаком правой бить в нос — точно в нос. Удар за ударом, и ещё удар, и ещё. Он бросил винтовку, пытаясь защищаться руками. В голове вдруг вспыхнула мысль: «Болевой, делай болевой».

Я крутанул его на живот и заломил правую руку. Тот заорал.

— Молчи! — яростным шёпотом приказал я.

И только заламывая руку, краем глаза увидел кобуру у него на ремне. Быстро потянул к ней руку, расстегнул и достал наган. Ухватив покрепче, взвёл курок и отпустил его руку. Вскочив на ноги и дождавшись, когда тот, не поднимаясь, развернёт голову в мою сторону, приказал:

— Лежать, не вставать, не шевелиться. Шелохнёшься — шлёпну.

Ногой отбросил винтовку в сторону Алексея.

— Алексей, — обратился я к нему. — Из нагана стрелять умеешь?

Тот молчал.

— Лёша, — прошипел я.

— Что? — встрепенулся тот.

— Из нагана стрелять сможешь?

— Не знаю, я не знаю..., Наверное,... да, смогу.

Я поднял винтовку — перезарядить боец её успел, я это точно видел. Подошёл к Алексею и вложил в правую руку наган.

— И предупредил: осторожно... на взводе. Если что — стреляй, не задумываясь. Сможешь?

— Да, да, я смогу.

Мужик с ужасом в глазах смотрел на нас, пытаясь зажать нос рукой и остановить кровь, мыча от боли.

— Так, сидим тихо, ждём наших, — негромко произнёс я, направляя ствол винтовки на ермаковского бойца. — Ну а если что — постреляем, — подмигнул я Алексею.

Глава 7.

Вершинин бежал за Марией, периодически он останавливался, чтобы прицельно выстрелить из пистолета. Пять выстрелов — и пять упавших преследователей.

Он видел, как император, укрываясь за деревом, отстреливался из нагана, пытаясь задержать погоню, одновременно отслеживая разбегающихся членов своей семьи. Задержавшись, он потерял всех из виду и видел только стремительно отдаляющихся от него Марию и Глеба. Он не побежал за ними, а бросился в сторону, уводя за собой ещё двоих с винтовками.

«Всё правильно, их надо разделить», — думал Вершинин, остановившись, чтобы сразить ещё одного врага.

В его сторону бежали ещё двое. Он сорвался с места и бросился догонять Машу. Когда на бегу он схватил её за руку, она испуганно вырвала её.

— Это я, — успокоил её Глеб.

Послышались два выстрела где-то сбоку. «Револьверные», — подумал Глеб. — «Надеюсь, царь стреляет метко».

Они с Машей выбежали на большую поляну. Пробежать успели немного, когда прозвучал выстрел и кто-то заорал:

— Стоять! Застрелю!

Маша остановилась в оцепенении и замерла. Глеб попытался её дёрнуть за руку, потянув за собой, но она стояла как вкопанная. Рядом раздалось:

— Стоять, или застрелю!

Голос был очень близко. Остановившись, Глеб обошёл Машу, спрятав её за спиной, и направил свой кольт на приближающихся преследователей. Их было двое: красноармеец и один в чёрной тужурке.

«Чекист», — подумал Вершинин про второго.

Остановившись в метрах пяти, они делали маленькие шажочки по направлению к ним, пытаясь обойти их с боков, находясь в метрах трёх друг от друга. У чекиста был револьвер, он стоял справа от Глеба. Другой стоял слева и целился в него из винтовки.

«Если попадёт из винтовки, то всё... — подумал Вершинин. — А вот из нагана — смотря куда попадёт... ещё не всё потеряно».

— Мария Николаевна, — Глеб говорил так, чтобы слышно было только ей. — Держитесь за спиной и не высовывайтесь.

— Отдай девуку, — заговорил чекист. — Ты нам не нужен, дурак.

— Не отдам.

— Убью ведь, — процедил он сквозь зубы.

— Умрём вместе.

Глеб держал кольт на вытянутой руке, целясь то в одного, то в другого. В нём оставался один патрон, но об этом знал только он.

Он слышал, как кто-то бежит в их сторону, приближаясь слева от него. «Если это эти, то всё...»

Он увидел, как из-за деревьев в метрах тридцати появился Николай Второй. Царь, вскинув винтовку, молниеносно прицелился, выстрелил — солдат с винтовкой тут же упал замертво. Второй не видел, откуда стреляли, и подумав, что это Глеб, тут же начал палить по нему. Вершинин же, в этот момент державший на мушке красноармейца, смог попасть в чекиста только после того, как тот успел выстрелить в него два раза.

Увидев, как чекист падает, он одновременно почувствовал очень сильную боль в сердце.

«Попал, гад» — пронеслось в голове.

Схватившись рукой за бок, он пытался понять, почему оттуда текла кровь, ведь попали в сердце. Чекист, падая, выронил револьвер, который, скакнув пару раз по земле, оказался сбоку от Вершинина и в нескольких шагах от Марии Николаевны. Та выбежала из-за спины Глеба, стремительно бросилась к нему, подняла и обхватила рукоять револьвера уверенно: так, будто держала его не в первый раз.

Где-то недалеко лаяла собака Татьяны. Лес пронзил отчаянный крик девушки. Мария бросилась на крик.

Глеб попытался последовать за ней, но при первом же шаге пошатнулся и, теряя равновесие, опустился на одно колено, пытаясь перебороть боль, пронзившую бок и сердце. Бежавшему к нему Николаю Второму он махал рукой, указывая на убегающую Машу, и со стоном выдавил из себя:

— За ней...

Император пробежал мимо него, догоняя дочь.

Глава 8.

Ольга бежала, не разбирая дороги. Секунду назад рядом был молодой офицер, а теперь лес будто проглотил всех, оставив её одну.

Она бежала не оглядываясь и слышала за спиной чей-то голос:

— Моя, она моя! Стой, сука!.. Вон тех лови, вон тех! — командовал голос.

Высокая трава цеплялась за ноги, замедляя каждый шаг. Ольга чувствовала, как её настигают. Чья-то рука рванула за ворот. Ткань треснула, как сухая ветка. Толчок в спину швырнул её на землю, выбив воздух.

— Куда, сучара! — кто-то выругался, прежде чем развернуть её на спину.

Ольга с закрытыми глазами наотмашь била руками по навалившемуся на неё телу и только когда поняла, что на ней рвут платье, открыла глаза и увидела ошалелое от возбуждения лицо матроса. Она двумя руками вцепилась ногтями в его лицо, пытаясь вырвать плоть. Тот завыл и ударил её по лицу.

— Убью! — и ударил ещё раз.

Потянулся к винтовке, схватил её и, вскочив, направил штык ей в живот.

Он с яростью смотрел на Ольгу.

— Сама дашь, сука! — выругался матрос, целясь штыком ей в живот.

Ольга плюнула в его сторону. Матрос расплылся в предвкушении расправы и ещё больше отвёл винтовку назад, делая замах больше. Ольга закрыла глаза, готовясь принять смерть.

И в тот самый миг, когда штык должен был войти в её тело, из ниоткуда прыгнул барон. Он схватил штык на лету и отвёл его в сторону. Штык с глухим стуком вонзился в землю рядом. Локоть барона врезался ей в живот — Ольга вскрикнула. И тут же безвольно уронила голову отключившись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.